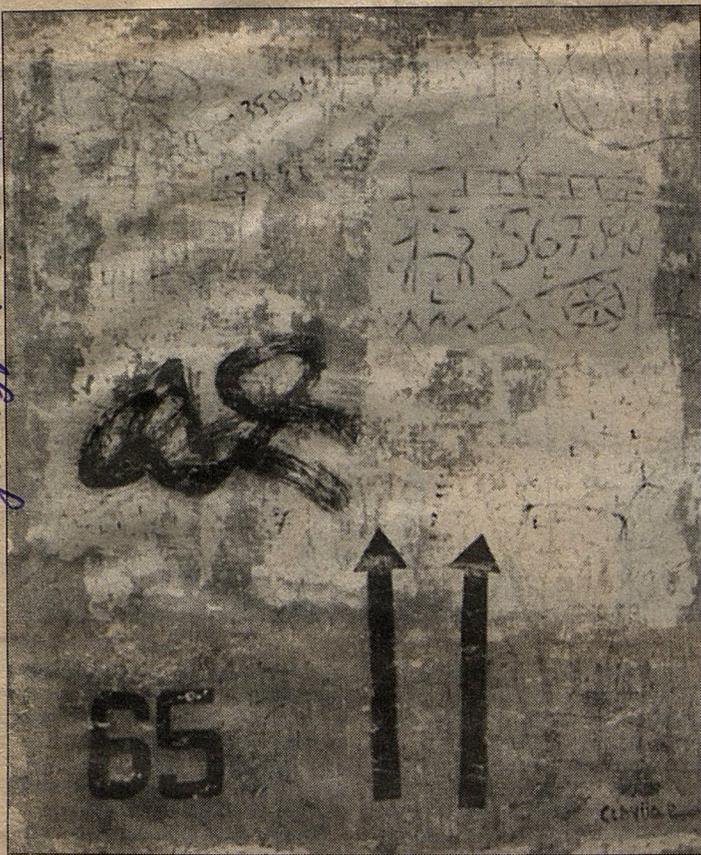

Воспоминание о себе

Выставка Педро Клавихо в Институте Сервантеса

Кубильера. 2003. — 11-10 дек. — с. 10

Работа П.Клавихо

Загадочное, нерусское имя было дано мальчику, родившемуся в Москве в 1965 году, отцом-колумбийцем. С тех пор в жизни Педро Клавихо-Паррадо тесно переплелись две столь разные культуры, что кажется вполне естественным, что в такой семье сформировался художник. Мало того — в ней выросли сразу два художника, поскольку у Педро есть брат Владимир, прославленный фотограф глянцевого издания, эксцентричная манера которого состоит в том, чтобы состаривать образы современности до состояния облезлых, облупив-

шихся и пожелтевших манускриптов, случайно добытых нашими потомками на заброшенном чердаке сто лет спустя. Теперь уже со всей очевидностью можно сказать, что именно благоприятная атмосфера семьи направила мальчиков в искусство, да к тому же и гены сделали свое дело: дед братьев Эдмундо Клавихо Кубильерса — один из известнейших художников и фотографов Колумбии.

Глядя на работы младшего российского поколения Клавихо, вспоминаешь замечание Рильке: "Они стали художниками, так как понимали, что

очень многие вещи невозможно выразить словами". У Педро (его произведения демонстрировались на многочисленных коллективных и персональных выставках в России, Европе, США и Латинской Америке) в открытой до 10 января в Институте Сервантеса выставочной экспозиции графики не выражены словами даже названия картин, хотя в искусстве абстракции намеки на основную идею того или иного произведения бывают просто необходимы. Необходимы, конечно же, для зрителя, поскольку художник творит из себя, порой не отдавая сознательного отчета в том, что же конечный результат значит. Педро сказал мне: "Названия как-то не придумываются, не знаю, почему..." Но даже и неподготовленным вербальной подсказкой глазом в работах Педро усматривается такое же тяготение к временным наслоениям, как и у Владимира. Можно даже говорить о настоячивом мотиве ностальгии в его творчестве в целом.

Откуда у молодых в общем-то людей такие неудержимые попытки воскресить ушедшее навсегда? Почему столько грусти? Тоска — это, разумеется, вклад русской крови, а вот горячие колумбийские корни упрямо твердят о другом: "Мужчина всегда должен быть гордым и сильным, что бы там ни было!" Понятно, что такое противоречие не могло не отразиться в искусстве и творческом кредо. В результате — средоточие двух культурных гласов в одном художественном организме дает пищу для воплощения как этнических теплых проекций, скользящих по холстам то холодных, то болезненных проблем самоопределения человека, обложенного приметами городского устройства. Поэтому и выбрал Педро Клавихо абстракционизм как удобную ширму — с одной стороны, для "маскировки" личной сентиментальности, с другой — для погружения за эти нетронутые цивилизацией створки глубинных и непредсказуемых ассоциаций, эмоций, вибраций... По

большому счету, в абстракциях Клавихо содержится редкое по своей гармонии единство бесформенности с чувством. И что же есть само чувство, если не бесформенность?

Достигаются подобные высоты не только внутренним посылом, но и техникой. На одном холсте сочетаются широкие, экспрессивные мазки и аккуратно выведенные, тонкие линейные штришки, составляющие то отдельно расположенную и никак не связанную с основной композицией фигурку, то целую таблицу цифр, лежащую плотным фоном и обозначающую поминутную текучесть времени. Надо заметить, что и сама абстракция здесь не всегда абстрактна. Например, цифры, которых так много везде и всюду. Ведь цифра сама по себе — ничто, пустой, ни о чем не говорящий знак. Но ее условность в контексте эстетического пространства становится отправной точкой конкретности. Таким образом, сопоставление знаковой и бесформенности — еще один важный мотив в работах Клавихо. И лишь на первый взгляд кажется, будто все не к месту: вдруг какой-то домик, по-детски нацарапанный где-то на периферии холста, параллельные стрелки "Верх", обычно встречающиеся на упаковочных ящиках, или откуда ни возьмись зигзагообразный взмах с кружком и снова цифры, цифры, цифры... Думаю, этой монохромной картине можно было бы дать название "Как я был младенцем" или "Воспоминание о себе", поскольку "65" — год рождения художника, две стрелки вверх, входящие в пространство известнякового бытия, к праху — тенденция физического и духовного роста, что подтверждается помещением справа и чуть ниже отдельным детским рисунком —бивчивая нумерация вагонов паровозика "13567890", стремительно попирающего вечные символы крест и колесо, в левом верхнем углу холста — подобие солнца как его изображают дети, эмпирически верящие в реальность видимого солнца, а еще ниже и

почти посередине всего этого набора веселится, раскинувшись на полу, обаятельнейший малыш по имени Педро — его можно разглядеть, обладая даже скромным воображением. Общая композиция в основе своей структурируется в вертикаль зигзага, обращенного "из небытия к светилу", что соотносит идею работы с обозначением поступательного, но еще не совсем уверенного движения. После "0", вероятно, начнется новый отсчет? Мотив "Детство" присутствует в большинстве картин Клавихо, но по преимуществу беспомощными, тающими фрагментами, словно аллюзиями или сны, агрессивно вытесняемыми сумбурностью отчетливого сегодня. Похоже, художнику не слишком нравится быть взрослым, и только в примитивистской незатейливости и наивности он находит то существование, единственно ценное и правдоподобное, что позволяет ему сохранять чистоту восприятия мира.

Известно, что людям творческим в принципе сложно абстрагироваться от собственных переживаний, так или иначе проявляющихся в их работах то спонтанно, то идейно. Однако Педро Клавихо использует личный опыт именно как прием, как концепцию абстрактной автобиографии или автобиографичной абстракции. Не отказываясь при этом от искренности. Это, пожалуй, главная тема представленной экспозиции и, возможно, всего творчества русского колумбийца или колумбийского русина. Непешное рассматривание абстрактных картин подобно прохождению ассоциативного психологического теста, когда зрителю кажется, что он сумел угадать очертания каких-то реальных предметов. Возможно, он и не угадал, но все равно не ошибся, поскольку идущее от работ Клавихо чувство способно миновать зрительское сознание, находя приют в его индивидуальном-бессознательном.

Арина АБРОСИМОВА